
ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научный журнал

Выпуск 9(90). 2022. Том 12

Журнал «Вопросы национальных и федеративных отношений»
включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по политическим и историческим наукам

МОСКВА, 2022

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научный журнал

**Вячеслав Александрович
МИХАЙЛОВ**

Председатель Совета, д.и.н., профессор,
зав. кафедрой национальных и федеративных
отношений РАНХ и ГС при Президенте РФ

Редакционный Совет

**Рамазан Гаджимурадович
АБДУЛАТИПОВ**

д.ф.н., постоянный представитель Российской Федерации
при Организации Исламского сотрудничества

**Любовь Федоровна
БОЛТЕНКОВА**

д.ю.н., профессор РАНХ и ГС при Президенте РФ

**Владимир Иванович
ВАСИЛЕНКО**

д.п.н., профессор Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ

**Владимир Александрович
ВОЛОХ**

д.п.н., профессор Государственного университета управления

**Вадим Витальевич
ГАЙДУК**

д.п.н., руководитель Центра
политико-правовых исследований АНО «Евразийский научно-
исследовательский институт проблем права»

**Владимир Юрьевич
ЗОРИН**

д.п.н., руководитель Центра по научному взаимодействию
с общественными организациями, СМИ и органами
государственной власти ИЭА РАН

**Раушан Мусахановна
КАНАПЬЯНОВА**

д.п.н., профессор кафедры международного
культурного сотрудничества МИГК

**В. Микаэль
КАССАЕ НЫГУСИЕ**

д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных
отношений Российского
университета дружбы народов

**Геннадий Яковлевич
КОЗЛОВ**

д.и.н., профессор Рязанского государственного университета
им. С.А. Есенина

**Игорь Георгиевич
КОСИКОВ**

д.и.н., главный научный сотрудник Института
этнологии и антропологии РАН

**Николай Павлович
МЕДВЕДЕВ**

д.п.н., профессор Российского университета
дружбы народов

**Марина Николаевна
МОСЕЙКИНА**

д.и.н., профессор, заведующая кафедрой истории России
Российского университета дружбы народов

**Александр Данилович
НАЗАРОВ**

д.и.н., профессор, зам. руководителя кафедры
по научной работе Московского авиационного института

**Дарья Вячеславовна
ПЕРКОВА**

к.п.н., ответственный редактор

**Александр Васильевич
ПОНЕДЕЛКОВ**

д.п.н., профессор, заведующий кафедрой политологии
и этнополитики Южно-Российского института
управления – филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ

**Дмитрий Егорович
СЛИЗОВСКИЙ**

д.и.н., профессор кафедры истории России Российского
университета дружбы народов

**Шукран Саидовна
СУЛЕЙМАНОВА**

д.п.н., профессор Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

**Жибек Сапарбековна
СЫЗДЫКОВА**

д.и.н., профессор, заведующая кафедрой стран
Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии
и Африки Московского государственного университета имени
М. В. Ломоносова, заместитель главного редактора журнала

Редакционная коллегия

Главный редактор – СУЛЕЙМАНОВА Ш.С.,
д.п.н., профессор РАНХиГС

Члены ред. коллегии:

Волох В.А. (зам. главного редактора),
Сыздыкова Ж.С. (зам. главного редактора),
Перкова Д.В. (ответственный редактор),
Болтенкова Л.Ф., Слизовский Д.Е.

УЧРЕЖДЕН

ООО «Издательство
«Наука сегодня»

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного
наследия

Регистрационный номер
ПИ № ФС77-47487
от 25 ноября 2011 г.

Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс научного
цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory

Пятилетний импакт-фактор
журнала: 0, 369

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение I, комната 7-1, офис 4

Тел.: (910) 463-53-42

www.etnopolitolog.ru

E-mail: etnopolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Перкова Д.В.

Компьютерная верстка
Загуменов А.П.

Подписано в печать 26.09.2022.

Формат 60×84/8. Объем 52,75.

Печать офсетная.

Тираж – 1000 экз.

(1-й завод – 500).

Заказ № 737

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер»

115054, г. Москва, ул. Щипок, 28

Тел.: (495) 651-84-56

ISSN 2226-8596 (print)

12 выпусков в год и

2 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://etnopolitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70114

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2018 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «Отечественная история, этнология и этнография», «История международных отношений и мировой политики», «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая культура, этнополитика и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://etnopolitolog.ru>

Электронный адрес: etnopolitolog@yandex.ru

ISSN 2226-8596 (print)

12 issues a year plus

2 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://etnopolitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70114

Objectives and themes

Academic journal “Issues of National and Federative Relations” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2018. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “Domestic history, ethnology and ethnography”, “History of international relations and world politics”, “History and philosophy of politics”, “Political institutions, processes and technologies”, “Political culture, ethnopolitics and ideologies”, “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the COPE (Committee on Publication Ethics) document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://etnopolitolog.ru>

E-mail address: etnopolitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Яценко А.М., Терещенко О.В., Ушмаева К.А., Гончаров А.С.

О формировании исторических представлений казачества
Кубанской области в конце XIX века 3168

Шавлаева Т.М.

Чеченский тайп Ачалой во второй половине
XIX – 40-ые годы XX вв. (по полевым материалам) 3177

Пантелеев В.И., Воронов И.И.

Продажа леса с корня как форма экономической реализации
права собственности государства на землю
в Сибири в конце XIX – начале XX вв. 3194

Веремейчик А.Е.

Материальные ценности крупных помещичьих резиденций
в северо-западном крае Российской Империи
во время военных событий начала XX в.
(на примере Несвижского замка князей Радзивиллов)..... 3205

Соловьева Л.В., Крюкова И.В., Ушмаева К.А., Гончаров А.С.

Категория времени в системе исторических представлений
казачества Кубанской области (60-90-е гг. XIX века) 3216

Кузнецов В.Н.

Значение предпринимательства в развитии кредитной системы
на Северо-Западе России в пореформенный период 3226

Ушмаева К.А., Яценко А.М., Голубов М.А., Гончаров А.С.

Правовые основы производства дел в станичных судах
во второй половине XIX века
(на материалах Кубанской области) 3239

Макина А.И.

Хакаские обычаи помощи в скотоводстве 3249

Садым К.Б.

Генезис и основные тенденции развития греческих
общественных организаций на Кубани..... 3257

Пазиров Е.Д.

Становление основ промышленного производства
казахстанского города Кентау в 1940-1950 гг. 3263

Рябкова О.В.

Салехардский рыбоконсервный комбинат
в годы Великой Отечественной войны 3272

Букина Д.В.

Минское гетто в воспоминаниях узников..... 3281

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

Болтенкова Л.Ф.

Гимн Господу Богу (философско-религиозное исследование
в нескольких статьях). Статья девятая..... 3287

Качуренко Д.С.

Разделение властей как философская доктрина
и управленческий принцип: теоретические аспекты 3305

Аргун Л.Л.

Критика бихевиорализма У.Х. Райкером
и теория рационального выбора..... 3314

Миронова С.А.

Проблема корпоративизма в политической науке..... 3324

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Чулков Д.И.

Механизмы противодействия манипуляции и пропаганде
в работах Г. Лассуэлла и Дж. Дьюи..... 3336

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Чжэн Хань.

Влияние процесса тюркской интеграции на Россию и Китай..... 3344

Галеева Н.Ф.

Роль национально-культурных организаций
в сохранении этнической идентичности
(на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) 3356

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

Магадиев М.Ф.

Государственное управление в сфере информационной политики
Российской Федерации в условиях гибридной войны 3364

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Ушаков Д.В., Терентьев В.И.

Монгольские школьные учебники по гуманитарным дисциплинам как инструмент формирования национальной идентичности..... 3374

Сюй Хун

22-й саммит ШОС – новый импульс для интеграционных проектов ЕАЭС и «Один пояс, один путь»..... 3384

Инь Цюнь, Грачиков Е.Н., Чэн Го.

Theoretical Analysis of China's Belt and Road Initiative from Africa to Latin America: the Roots of China's Intention and Behavior/
Теоретический анализ китайской инициативы
«Один пояс, один путь» от Африки до Латинской Америки:
истoki и реализация Китая..... 3392

Сысун И.С., Терентьев В.И.

Роль учебников истории в развитии национальной идентичности в Монголии 3407

Покасов В.Ф., Ануприенко И.А., Малявина Г.И., Гончаров А.С.

Magical Practices in the Everyday Life of the Ancient Greeks/
Магические практики в повседневности древних греков..... 3414

Урнер Мехмет.

Основы культурной дипломатии в контексте формирования механизмов консолидации и развития национального тождества турецкого государства в системе международных отношений: особенности всестороннего комплекса подходов правительства Партии справедливости и развития (ПСР) к осуществлению и воплощению концепции «мягкой силы» 3424

Рахимов К.Х., Федина С.В., Холов С.Х., Якуба А.Я.

Антитеррористический фокус сближения Индии и Таджикистана 3435

Терентьев В.И.

Праздничная культура как фактор и выражение национальной идентичности современных монголов..... 3454

Табейкина Е.К.

Влияние религиозного фактора на формирование политического и общественного строя европейских государств 3465

Гильфанов А.Р.

Республика Татарстан в системе межкультурного диалога Российской Федерации и ЮНЕСКО на современном этапе..... 3474

Лю Цзинюань

Положение Китая в системе глобального управления 3482

Мальсагов Р.А.

Исламские радикальные движения: факторы образования
и критерии различения 3489

Хромова А.В.

Российско-иранские отношения
в русле информационного сотрудничества 3498

Надёжсин А.Д., Осянин В.С.

Сотрудничество России и ЕС в контексте системы
международной безопасности (1990-е – 2021 гг.)
и их критика с позиции многополярного мира 3506

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА**Братковская Д.В., Демидова Е.Р., Рогова Я.Д.**

Политика КНР в Центральной Азии
и влияние конфликта в СУАР 3516

Денискина А.В.

Изучение и преподавание истории в России в XVIII веке 3524

Денисов А.Е.

Обзор виртуального симпозиума к 90-летию
Мирослава Хроха в журнале «Нация и национализм» 3532

Зинюров Н.Ш.

Региональный опыт политических партий
на парламентских выборах и на местных органах власти 3544

Костина А.Д., Ильинская К.Р., Пахмутов Н.Д.

Потенциал Соединённых Штатов Америки
в космическом пространстве перед новыми вызовами 3552

Мясников Д.С., Вароди А.И., Булыгин М.А.

Антироссийские санкции: хронология применения
и влияние на экономику РФ 3559

НАШИ АВТОРЫ 3564

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ 3573

К.Х. РАХИМОВ

*кандидат исторических наук, ассистент
кафедры теории и истории международных отношений
Российского университета дружбы народов; докторант
Института
стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

С.В. ФЕДИНА

*магистрант кафедры теории и истории
международных отношений Российского университета
дружбы народов, Россия, г. Москва*

С.Х. ХОЛОВ

*магистрант кафедры теории и истории
международных отношений Российского университета
дружбы народов, Россия, г. Москва*

А.Я. ЯКУБА

*магистрант кафедры теории и истории
международных отношений Российского университета
дружбы народов, Россия, г. Москва*

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ ФОКУС СБЛИЖЕНИЯ ИНДИИ И ТАДЖИКИСТАНА

Создание стабильной и безопасной региональной среды является крайне важным элементом социально-экономического развития государств и региона в целом. Одним из дестабилизирующих региональную и внутригосударственную обстановку факторов является распространение экстремизма, терроризма. Социально-экономическое развитие является, с одной стороны, инструментом устранения причин возникновения терроризма и экстремизма, с другой, этот инструмент сам нуждается в защите от носителей системного насилия в лице существующих террористических структур. В этой связи, даже при отсутствии общих инициатив и проектов, у государств есть общий интерес – устранение террористической угрозы. Именно устранение такой угрозы позволит, независимо

от того, будут ли государства в дальнейшем развивать совместные проекты или нет, развиваться каждому государству таким образом, каким считает наиболее правильным. Поскольку терроризм сегодня является многоликим и постоянно усложняющимся феноменом современной международной жизни, государствам, особенно из одного региона, с едиными вызовами, следует сотрудничать как на двустороннем уровне, так и в рамках более широких структур безопасности и организаций, для того чтобы выработать общие механизмы реагирования на террористические угрозы, синхронизировать между собой правоохранные и правоприменительные практики в данной сфере. В данной статье мы рассмотрим, как все вышеперечисленное влияет на сближение Таджикистана и Индии в области безопасности.

Ключевые слова: *безопасность, структуры безопасности, противодействие терроризму, экстремизм, социально-экономическое планирование, Аф-Пак, «Один пояс один путь», воспроизводство, экономическое развитие, террористические структуры, интерес.*

Введение. Терроризм сегодня затрагивает все регионы мира, поэтому меры по противодействию такому виду насилия являются животрепещущей темой в планировании социально-политического и социально-экономического развития стран мира [22. Р. 34]. Несмотря на то, что существуют различные разновидности терроризма, так в той же Индии присутствует левый терроризм и религиозный, скорее даже религиозный и этнический одновременно, терроризм, самое широкое распространение сегодня получил именно религиозный исламский терроризм. Тем не менее, в XXI столетии наметилась тенденция к сращиванию или даже взаимопроникновению различных видов терроризма [7. С. 1391], что, соответственно, ведет к увеличению, расширению целевой аудитории для рекрутирования в террористические организации, а также ведет к усложнению соотношения той или иной террористической структуры с разработанными наукой классификациями. Соответственно, сегодня терроризм является усложняющимся, постоянно изменяющимся социальным явлением, а его многоохватность побуждает государства на двусторонней основе, а также в рамках международных организаций и широких структур безопасности, принимать соответствующие антитеррористические меры, сотрудничать в этой сфере.

Терроризм является явлением одновременно порожденным социально-экономическими и социально-политическими проблемами и явлением провоцирующим такие проблемы, то есть появившись, террористическая структура, сложная она или простая, часто воспроизводит ту питательную для возникновения насилия среду, из которой она, такая структура, появилась сама.

Соответственно, многие известные террористические структуры, возникшие в контексте и на почве проблем отдельных регионов и государств, изначально ориентированные на преследование строго определенных целей в границах вышеобозначенных территориальных единиц, со временем начали обрастать международными связями, стали «всеядными» до объектов вербовки, также постановка целей и задачи у таких структур преодолела прежние узкие территориальные границы из-за чего охват их деятельности приобрел черты трансграничного и международного терроризма.

В этой связи, стоит отметить очевидную необходимость двустороннего и более широкого международного сотрудничества в деле противодействия терроризму. Так, такие государства, как Индия и Таджикистан, в полной мере ощутивших на себе тот ущерб, который приносит национальной безопасности террористическая деятельность, активно развивают повестку антитеррористической борьбы как на двусторонней основе, так и на полях больших региональных структур безопасности.

В данной статье сначала будет показан краткий ретроспективный обзор причин и условий, которые породили экстремизм и терроризм в этих государствах. Во второй части работы будут описаны мотивы, побуждающие Индию и Таджикистан активно работать над антитеррористической повесткой как на двусторонней основе, так и в рамках широких региональных структур безопасности. Третья часть будет посвящена решениям и мерам, предпринятым двумя государствами в рамках антитеррористической повестки. Вместе с тем, в двух последних частях статьи будут затронуты вопросы, касающиеся взаимодействия Индии и Таджикистана по вопросам безопасности и противодействия терроризму с Россией и Китаем, поскольку Российская Федерация и Китайская Народная Республика являются сильными игроками в Центральной Азии, инициативы которых имеют важное координирующее значение для выстраивания общерегиональных принципов и механизмов безопасности, при этом безопасности в самом широком смысле. Надо отметить, что Россия не препятствует налаживанию контактов Индии со странами Центральной Азии по безопасности и экономическому сотрудничеству, поскольку Россия рассматривает само собой складывающуюся ситуацию в качестве идеального противовеса нарастающему влиянию Китая в этом регионе, противовеса, который ведет к балансу влияния на данный регион между Китаем, Россией и, в некоторой степени, Индией, хотя последняя не имеет границы с центральноазиатскими странами, но связана с ними опосредованно через экономические связи и напрямую с точки зрения существующих террористических угроз. Вместе с тем, Индия признает главную роль России главного устроителя безопасности в Центральной Азии и не собирается соперничать с ней, поскольку считает, что интересы двух государств в области региональной безопасности, к которым относятся «сдерживание распространения фундаменталистского исламского

терроризма, экстремизма, сепаратизма и наркотрафика из Центральной Азии» [25. Р. 117], пересекаются. Таджикистан же является ввиду своей географической близости к террористически активным регионам уязвимым с точки зрения национальной безопасности страной. Для решения проблем, связанных с существующими рисками террористического и экстремистского характера, Таджикистан принимает разнонаправленные шаги в деле борьбы с проявлениями различного рода террористической деятельности, а именно, совершенствует собственную систему реагирования, развивает сотрудничество на двусторонней основе с другими государствами, например, с Россией и Индией, и в рамках широких региональных структур безопасности (ШОС, ОДКБ).

1. Краткий ретроспективный обзор причин и условий возникновения терроризма и экстремизма в Индии и в Таджикистане. Корни терроризма в Индии уходят в ключевые события глобального масштаба. После окончания Второй мировой войны (1939-1945 гг.) Британская империя стала переформатировать отношения со своими колониями, выводя свои войска и административные структуры из целого ряда доминионов. В 1947 г. это произошло с Британской Индией – искусственным образованием, включавшем в себя территории современной Индии, Пакистана и Бангладеш. В связи с отсутствием глубокой проработки и понимания сложности межэтнического взаимодействия народов Британской Индии стремительная ликвидация иностранной администрации привела к масштабным межэтническим столкновениям, посеявшим семена вражды и нестроений между двумя большими социальными группами, которых можно разделить по религиозному принципу на индуистов и мусульман. Миллионы людей покинули свои дома в условиях хаоса – индусы и сикхи бежали из новообразованного Пакистана в Индию, а многие мусульмане покинули историческое ядро Империи Великих Моголов в северной Индии [37]. За беспорядками и массовыми убийствами во время раздела быстро последовала полномасштабная война за спорный штат Джамму и Кашмир, расположенный между двумя новыми странами, в котором преобладало мусульманское большинство, но которым управлял индуистский махараджа.

Борьба за Кашмир и насилие породило фундаментальную вражду между Индией и Пакистаном, которая продолжается уже больше семидесяти лет. Войны 1965 и 1971 годов, и разработка ядерного оружия двумя государствами лишь усугубили этот «бесконечный конфликт» [37. Р. 24].

В условиях напряженных межгосударственных отношений между Индией и Пакистаном стали крепнуть террористические организации, имеющие в данном регионе широкую базу для пополнения своего состава новыми рекрутами. На первый план вышла более дисциплинированная пропакистанская группировка, созданная вокруг инфраструктуры политической партии «Джамаат-и-Ислами» – «Хизб аль-Муджахидин». «Хизб

аль-Муджахидин» и выступавшая за защиту мусульман Кашмира в начале и середине 1990-х гг. и поэтому ограничивавшая зону своей деятельности пределами управляемого Индией штата Джамму и Кашмир.

В середине и конце 1990-х гг. воинствующие организации с преобладающей пакистанской вербовочной базой начали играть все более заметную роль в кашмирском конфликте. Среди таких организаций наиболее крупными выступали Харкат-уль-Муджахидин и Лашкар-и-Тайиба, которые имели связи с группировками в Афганистане. Новая волна мощных джихадистских группировок, которые отличались друг от друга во многих отношениях, преследовала цель разрушить индийское государство и «освободить» его мусульманские общины от власти индуистов [24. Р. 5].

Для достижения данной цели требовалось не только активная деятельность на территории Джамму и Кашмира, но и поиск поддержки со стороны мусульман, проживающих непосредственно в Индии. Хотя уход Великобритании разделил субконтинент по религиозному признаку, многие миллионы мусульман остались проживать в Индии, при этом они были социально уязвимой категорией населения, так как их доходы и образование, как правило, были ниже среднего уровня по стране. Эта относительная бедность сохраняется и по сей день. Тем не менее, мусульмане Индии испытывали влияние толерантных течений ислама, порожденных многовековым воздействием на субконтинент многочисленных религий и сект. Это разнообразие стало важным сдерживающим, но не нивелирующим, фактором для радикализма, а также стало важным подспорьем для включения мусульман в процесс участия в демократической политике Индии в качестве кандидатов, рабочих и государственных служащих. Более того, мусульманское население исторически не являлось источником насильственного радикализма или поддержки боевиков, патронируемых Пакистаном [36. Р. 191].

Терроризм со стороны исламских группировок мобилизовал и радикализировал индуистских националистов. Рост индуистского национализма вызвал волну общественных беспорядков, которые были направлены против мусульман по прямому подстрекательству политиков или с молчаливого согласия политизированной полиции [12]. Индуистская националистическая «шафрановая волна» достигла апогея в 1992 и 1993 гг. после того, как толпа индуистов разрушила мечеть в североиндийском городе Айодхья.

Исламские террористы совершили ответные действия: в 1999 г. был захвачен самолет авиакомпании Indian Airlines; в 2000 г. Лашкар-и-Тайиба атаковал Красный форт Дели; а в декабре 2001 года группа боевиков, связанных с Джейш-и-Мухаммадом и Лашкар-и-Тайбой, напала на индийский парламент. Хотя войны удалось избежать, тем не менее впереди ждала трагедия иного рода. В феврале 2002 года индусы, возвращавшиеся из паломничества в Айодхью, были заживо сожжены в железнодорожном вагоне в штате Гуджарат. Несмотря на то, что обстоятельства трагедии не были

ясны, сразу же распространились слухи о том, что виноваты мусульмане [12. Р. 186].

С начала 2000-х гг. Пакистан стал постепенно отходить от поддержки террористических групп, что заметно сократило количество терактов. Последний крупный теракт с участием исламистских группировок произошел в порту Мумбаи в сентябре 2008 года. Такое сокращение интенсивности террористической деятельности стало возможным благодаря целому ряду мер, предпринятых правительством Индии, но об этом будет идти речь во третьей части статьи.

Ключевым фактором для возникновения террористических группировок в Таджикистане является географическая близость к беспокойному, с точки зрения террористических угроз, региону Аф-Пака. Гражданская война 1992-1997 гг. сделала государство еще более уязвимым для проникновения и распространения на его территории экстремистских идей. Террористические группы, пользуясь нестабильной ситуацией, сложившейся из-за гражданской войны, и разногласиями внутри страны хотели захватить силой власть и создать новое, но уже исламское, государство. С 1992 по 1994 террористические группировки в Таджикистане имели реальные шансы захватить власть и поменять политический вектор развития Таджикистана. С 1994 года оппозиция и законная власть начали мирные переговоры. В ходе мирных переговоров оппозиция в лице террористических группировок пыталась дестабилизировать и обострить конфликт [5. С. 147].

В годы гражданской войны террористические группировки в Таджикистане вели борьбу не только против законной власти, но и против мирного населения. Террористы использовали разные методы дестабилизации ситуации, например, взрывали дома, проводили диверсии в общественных местах, брали заложников из мирного населения, прибегали к иным чрезвычайно жестоким способам достижения поставленных целей [1. С. 450].

Гражданская война 1992-1997 изменила Таджикистан кардинально: если до войны у граждан страны уже было разное понимание религии, то к этому добавился еще один разъединяющий общество фактор, а именно региональный фактор, который играет немаловажную роль и в XXI веке. В ходе гражданской войны в Таджикистане по мнению экспертов погибло около 100 тысяч человек, 200 тысяч пропали без вести, около 1 миллиона стали беженцами, а экономике Таджикистана был нанесен ущерб в размере 7 млрд долларов. Гражданская война в Таджикистане стала самым кроваво-пролитным кризисом в странах бывшего СССР и показала, что опасность террористической угрозы может появиться внезапно [5. С. 145].

С момента получения независимости, более 18 групп и организаций в Таджикистане по решению Верховного суда были признаны террористическими и экстремистскими. Последней организацией, которая была

признана по решению Верховного суда Республики Таджикистан от 15 августа 2019 года, террористическим и экстремистским объединением стал «Национальный альянс Таджикистана» [6].

В 2013-2016 годах в Таджикистане и за ее пределами активно набирала обороты деятельность «ИГ». Хотя эта террористическая организация запрещена в Республике Таджикистан, «ИГ» вербовало людей посредством социальных сетей, а также с помощью имамов, которые по-своему трактовали религию. Главной мишенью вербовщиков стали молодые люди в возрасте от 17 до 25 лет, а также мигранты, которые работали в России. Деятельность была признана террористической и экстремистской по решению Верховного суда Республики Таджикистан 14 апреля 2015 года [14. Р. 75].

Также стоит обратить внимание на другую террористическую организацию, а именно на Партию исламского возрождения Таджикистана «ПИВТ», которая де факто была создана в 1973 году, но официально начала действовать 26 октября 1991. «ПИВТ» – оппозиционная исламская партия, которая имела большую популярность в годы гражданской войны в Таджикистане и финансировалась извне [28. Р. 42].

Оппозиционной политической партии таджикских либералов «Ростахез» удалось организовать массовые собрания против правительства, а Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) не только поддержала, но и активно участвовала в демонстрациях. Постепенно ПИВТ заняла лидирующие позиции на демонстрациях и потребовала преобразования таджикского общества в исламское, но никогда не требовала создания теократического государства. ПИВТ была основана татарской интеллигенцией в июне 1990 года в Астрахани, Россия. Ахмад Кази Ахтаев был избран его первым председателем, а Вали Ахмад Саддр – его пресс-секретарем и главным идеологом. Основными целями ПИВТ были возрождение ислама в регионе, включая единство среди мусульман, соблюдение населением правил ислама, участие населения в религиозной, культурной, политической, социальной и экономической жизни на основе исламских принципов, провозглашала некоторые принципы социальной справедливости (противодействие накоплению богатства в руках небольшой прослойки населения и так далее). На совещании было принято решение о создании различных отделений на всех уровнях республик бывшего Советского Союза [8. С. 81].

Наиболее активное и важное крыло партии было создано в Таджикистане 6 октября 1990 года. Первоначально ПИВТ Таджикистана требовала исламизации общества, поскольку в то время Таджикистан оставался под советской властью, а социально-экономические установки государства были основаны на советской модели. Таджикистан довольно был бедной советской республикой, поэтому обретение независимости породило у населения много больших надежд на решение своих проблем, но они присоединились к оппозиции, особенно к ПИВТ, когда требования не были выполнены.

Многие моджахеды, воевавшие в Афганистане против советских войск, также вступили в ряды той части партии, на которую оказало влияние движение басмачей начала XX века. Оно, это крыло партии, выросло из подпольной молодежной организации в середине 1970-х годов, в которую вступала недовольная советским правлением молодежь, называвшей себя Сомон-и-Джавон Азод, то есть Организацией освобожденной молодежи (ЛИО); это крыло начало действовать в Курган-Тюбинской области, там же была штаб-квартира партии, главой которой во время гражданской войны в Таджикистане был Саид Абдулла Нури. Лидерами военного крыла таджикской ПИВТ были Саид Абдулла Нури, Даулат Усман и Шарифом Химматзода. На местном уровне она называлась «Хизб-и-Нехз Ислами» и имела свою военную базу в долине Гарам в Таджикистане и на севере Афганистана [32. Р. 2].

2. Мотивы укрепления Индией и Таджикистаном антитеррористических мер и международного сотрудничества в области противодействия терроризму и экстремизму. Как уже было упомянуто выше, меры по противодействию терроризму и экстремизму являются важной составляющей в планировании социально-политического и социально-экономического развития стран мира [22. Р. 34]. Терроризм и экстремизм – явления, которые во многом воспроизводят негативную среду, из которой сами же и появляются. Так, социально-экономическое неблагополучие населения страны, региона, это могут быть материальные проблемы, безработица, создает почву для возникновения или роста экстремизма, который плавно перетекает в формирование террористических структур [29. Р. 182]. Вместе с тем, с появлением террористических структур, криминогенная обстановка (из-за слабости нормативно-правовой базы, из-за разного рода несовершенств систем реагирования и так далее), которая, в частности, могла способствовать их появлению, не ослабевает, а усугубляется из-за того, что между криминальными группировками и террористическими структурами устанавливаются «партнерские связи», из-за того, что системам реагирования в такой ситуации приходится работать над большим количеством объектов преследования, а это может отражаться на скорости и качестве правоохранительной деятельности. Осознание столь сложной нагрузки на правоохранительные системы по противодействию и пресечению террористической и экстремисткой деятельности, а также транснациональный характер современного терроризма, побуждает государства к международному сотрудничеству в данной области. Так, в 2013-2020 годах в Таджикистане была проведена реформа милиции, которая включала в себя активизацию международного сотрудничества с правоохранительными органами других государств [11. С. 89]. В итоге, тяжелая криминогенная обстановка из-за действий террористических и «классических» криминальных структур не позволяет стране, региону, где наблюдается такая обстановка, должным

образом развиваться в социально-экономическом плане (например, нельзя выстроить безопасную логистическую цепь для региональной торговли и прочее), что опять же приводит к материальной неустроенности населения, уязвимость которого снова приводит воспроизводству экстремистских идей среди большого числа людей и рекрутингу некоторых из них в такие структуры. В итоге, получается замкнутый круг. Естественно, приведенный здесь пример является неполным, схематичным, так как социально-экономические факторы не ограничиваются лишь размером доходов населения (сюда стоит добавить и уровень образования населения, и возможность его получения, и то насколько сбалансирован выход людей в мировое коммуникационное пространство и каков баланс контроля за такими коммуникациями и прочее). Тем не менее, данный пример показывает то, как воспроизводится благоприятная для поддержания существования террористических структур среда.

В итоге, вывод о том, как бороться с терроризмом и экстремизмом, напрашивается сам собой – такой замкнутый круг необходимо разорвать. Наиболее эффективным способом борьбы с терроризмом, в подобной ситуации, будет удар с двух сторон, а именно по причинам возникновения, а это социально-экономические проблемы-побудители экстремизма, и по следствию, то есть силами и средствами систем реагирования по уже существующим террористическим структурам, дабы они не могли мобилизоваться и воспроизвести уже вышеозначенную негативную среду.

Мотивов у Индии для укрепления сотрудничества в области противодействия терроризму очень много, и они носят социально-экономический и геостратегический характер. Индия активно пользуется возможностью по установлению связей в области безопасности со странами Центральной Азии, поскольку они вполне открыты для регионального сотрудничества в этой сфере. Из-за влияния Китая на этот регион, у Индии возникает беспокойство, что он, при посредничестве Пакистана, будет стимулировать внешнеполитический и внешнеэкономический антииндийские векторы политики центральноазиатских государств. Именно поэтому Индия старается сотрудничать с центральноазиатскими государствами по многим направлениям, в том числе в области безопасности [25. Р. 112]. Если главную роль России в обеспечении безопасности в регионе Индия никак и ничем не собирается оспаривать, то возможное активное подключение Китая к регулированию вопросов безопасности, хотя тот все еще больше концентрируется именно на экономической составляющей развития региона, для Индии представляют существенную угрозу, так как ее голос в решении общеазиатских вопросах будет при усилении и так довольно сильных позиций Китая слышен еще меньше.

Такое ревностное отношение к укреплению позиций Китая в регионе связано с куда более очевидными причинами. Во-первых, это связано

с вопросами торговли и обеспечения углеводородами, что в целом можно свести к общеэкономическим причинам. Так, Индия намеревается прилагать дальнейшие усилия по созданию коридора Север-Юг, который в его расширенном варианте будет включать 14 государств, в том числе и Таджикистан. Во-вторых, самая очевидная связь кроется в ее территориальных спорах касаясь штатов Джамму и Кашмир, поскольку, несмотря на некоторый спад террористической активности пропакистанских террористических группировок в Индии с конца 2000-х годов, риск перетекания терроризма и экстремизма с территории Аф-Пак сохраняется до сих пор.

В итоге, учитывая географическую отдаленность от бывших советских республик в Центральной Азии, Индия «стремится установить независимые связи с регионом, чтобы гарантировать, что ее экономические, ресурсные и стратегические возможности не будут перекрыты» [25. Р. 112-113].

Таким образом, заинтересованность Индии в обеспечении безопасности в Центральной Азии зиждется на нескольких положениях: существует риск распространения терроризма и экстремизма как на территории Индии, так и вне ее территории, на которой, тем не менее, у нее есть свои экономические интересы; экономические интересы и проекты надо обеспечивать, в том числе посредством создания безопасной и благоприятной обстановки для ведения бизнеса; подрыв социально-экономических основ стабильности внутри, так и за пределами государственной территории ведет к возникновению благоприятной почвы для распространения терроризма и экстремизма и наоборот; для отстаивания своих интересов в ЦА, у Индии должны быть свои хорошо налаженные связи с центральноазиатскими странами по вопросам безопасности в противовес таким связям ЦА с Китаем.

Таджикистан также имеет целый спектр мотивов для международного сотрудничества в области безопасности, к которой, что совершенно естественно, относится и противодействие терроризму и экстремизму. Хотя его емкость рынка по сравнению с другими центральноазиатскими государствами относительно невелика, Таджикистан, являясь связующим звеном между Южной и Центральной Азией, представляет собой наиболее важную для китайских экономических инициатив в регионе территорию. «Таджикистан является основным сторонником инициативы «Один пояс один путь» и сопутствующих ей проектов; это была первая страна среди государств Центральной Азии, подписавшая соглашение с Китаем по ОПОП» [30. Р. 3]. Соответственно, у Таджикистана также есть экономический интерес в развитии международного сотрудничества в области безопасности, так как создание благоприятной и безопасной обстановки будет способствовать развитию торговой инфраструктуры и реализации экономического потенциала страны. На Таджикистан приходится 4% пресной воды мира, а также есть золото, которое добывается сейчас совместно с китайскими партнерами [30]. Для Индии особое значение имеет географическое

расположение Таджикистана, именно поэтому помимо различных соглашений с Таджикистаном по вопросам безопасности и координации действий на этом направлении, Индия держит в Таджикистане (в Айни) свою военно-воздушную базу [30]. Несмотря на то, что многие значительные игроки в ЦА пытаются склонить Таджикистан на свою сторону, сам Таджикистан, стараясь придерживаться нейтралитета, идет на международное сотрудничество в различных областях очень осторожно и делает это исключительно в вопросах крайне важных, необходимых и только тогда, когда это действительно нужно [30].

Основополагающими проектами, к которым Таджикистан проявил особый интерес, это китайские проекты ОПОП по строительству торговых маршрутов, а именно строительство участка железной дороги, которая частично будет, проходит по территории Таджикистана и будет соединять Синьцзян с Персидским заливом; также проектируется ж/д путь из Китая в Кыргызстан-Таджикистан-Афганистан и Иран, который станет важным торговым мостом между Южной и Центральной Азией. В целом, проектов довольно много, и они не ограничиваются строительством торговых путей, а включают также создание совместных китайско-таджикских предприятий, китайские инвестиции в электроэнергетику Таджикистана. Кроме того, Таджикистан активно интересуется проектом КПАК, то есть китайско-пакистанским экономическим коридором [30. Р. 2-3]. В этой связи, для обеспечения должного уровня безопасности осуществления экономической деятельности как в самом Таджикистане, так и в регионах Южной и Центральной Азии, Таджикистану необходимо сотрудничать в области обеспечения безопасности с другими государствами этих двух регионов.

Несмотря на то, что Таджикистан участвует преимущественно в китайских экономических проектах, у Индии и Таджикистана есть общий интерес – стабильность и безопасность для развития своей внешнеэкономической деятельности. Внешняя угроза у них одна – экспорт экстремизма и терроризма с территории Аф-Пак. В этой связи им необходимо делать определенные шаги в сторону согласования позиций по вопросам безопасности в этом приграничном регионе, создать условия по созданию в будущем крепких механизмов реагирования на террористические угрозы, участвовать в широких структурах безопасности в рамках двух регионов (или, в широком смысле, единого центральноазиатского региона).

3. Принятые Индией и Таджикистаном решения и меры в рамках антитеррористической повестки.

Подход Индии отличается комплексностью. Во-первых, Индия рассматривает терроризм как уголовное преступление, для противодействия которому задействует правоохранные органы. Стоит отметить, что Индия рассматривает терроризм как угрозу национальной безопасности, которую можно устранять с помощью национальных вооруженных сил, чему

способствует укоренившееся представление о том, что экспорт терроризма и экстремизма – один из инструментов Пакистана по дестабилизации ситуации внутри Индии.

Если говорить о правоохранительной составляющей борьбы с терроризмом, то следует в первую очередь очертить правовую базу, сформированную в данной области. Основным законодательным актом по борьбе с терроризмом в Индии является Закон о предотвращении террористической и подрывной деятельности (TADA) – первый закон направленный на выявление и борьбу с террористической деятельностью, просуществовавший до 1995 года (не применяется к уголовным делам по преступлениям, совершенным после 1995 года; это означает, что имеет место явление ультраактивности закона. Закон (TADA) был неэффективным и нарушал права человека, что привело к его ослаблению [33]. Однако законодательный процесс не стоит на месте. Вторая Комиссия по административным реформам (ARC) Индии высказала мнение в своем докладе в 2008 г., что «необходимо ввести в действие всеобъемлющую и эффективную правовую базу для борьбы со всеми аспектами терроризма. Закон должен иметь адекватные гарантии для предотвращения его неправильного использования» [15].

Министерство внутренних дел Индии осуществляет надзор за национальной полицией, разведывательным бюро и военизированными формированиями. Разведывательное бюро считается узловым контртеррористическим агентством и тесно сотрудничает с государственной полицией и центральными военизированными формированиями в области разведки по борьбе с терроризмом. Но он не может в полной мере выполнять эту функцию, поскольку у него нет законных полномочий расследовать преступления, арестовывать кого-либо или преследовать людей в суде [27. Р. 94]. На основе рекомендаций Специальной целевой группы правительство создало обновленный механизм национальной безопасности, который характеризуется большей децентрализованностью [35. Р. 288].

Следует также отметить сугубо военную составляющую индийских контртеррористических усилий. Центральное правительство создало семь Центральных военизированных формирований (CPMFS), которые регулярно используются для обеспечения правопорядка наряду с полицейскими силами соответствующих штатов [31. Р. 106]. Среди них стоит выделить Силы пограничной безопасности (BSF), Ассамские винтовки, Центральные силы промышленной безопасности (CISF), Индо-Тибетскую пограничную полицию (ITBP), Сима Суркша Бал (SSB) и Национальную гвардию безопасности (NSG). В то время как индийская армия насчитывает около 1,2 млн чел. личного состава, численность всех семи CPMFS превышает 1,3 млн человек. BSF и ITBP играют решающую роль в операциях по борьбе с терроризмом в Кашмире [23. Р. 54].

Вместе с собственными усилиями Индия задействует потенциал своей дипломатии для взаимодействия с узловыми странами для объединения усилий по противодействию терроризму. Особое место в данном контексте занимает Республика Таджикистан. Во-первых, данное государство также сталкивается с угрозой терроризма, которая исходит от соседнего Афганистана. Во-вторых, Таджикистан находится в сопредельном для Индии регионе, а, учитывая трансграничный характер феномена терроризма, для борьбы с ним необходимы взаимные усилия по нейтрализации ячеек и поимке террористов. И, наконец, Индию и Таджикистан объединяет общая нормативно-правовая база борьбы с терроризмом в виде Хартии Шанхайской организации сотрудничества от 2002 г. [9] и Конвенции Шанхайской организации сотрудничества против терроризма от 2009 г. [4], а также координация усилий в рамках Региональной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС. Именно консенсус, достигнутый на полях ШОС, позволяет с уверенностью сказать, что Таджикистан и Индия осуждают терроризм во всех его формах и проявлениях, что особенно ценно ввиду отсутствия Всеобъемлющей конвенции о терроризме.

Взаимодействие Индии и Таджикистана по контртеррористической тематике активно развивалось в 2015-2017 годах. Именно в июле 2015 г. лидеры двух стран приняли Совместное заявление, где они решили активизировать взаимодействие на официальном уровне в рамках Совместной рабочей группы (СРГ) по борьбе с терроризмом для укрепления сотрудничества в борьбе с терроризмом [21]. В связи с приобретением Индией статуса полноправного члена ШОС в 2017 г. потребность в особых двусторонних мерах отпала сама собой. Однако в январе 2022 г. Индия предприняла масштабную дипломатическую инициативу, проведя Первый Саммит Индия – Центральная Азия. На данном саммите Индия и Таджикистан договорились рассмотреть возможность проведения совместных антитеррористических учений. Таджикистан дал высокую оценку диалогу по вопросам безопасности, проведенному 10 ноября 2021 г. под названием «Делийский региональный диалог по безопасности в Афганистане». Обеспокоенный ситуацией в Афганистане Таджикистан приветствовал усилия Индии по содействию ее урегулированию. Индия в свою очередь высоко оценила предложения Таджикистана провести Международную конференцию в рамках «Душанбинского процесса по противодействию финансированию терроризма» в октябре 2022 г. в Душанбе [16]. Помимо всего прочего, у Индии и Таджикистана есть соглашения по экстрадиции лиц, подозреваемых в терроризме, договор о взаимной правовой помощи по уголовным делам [13. Р. 47].

Таким образом, можно констатировать, что хотя антитеррористические усилия Индии и Таджикистана объединены общими институциональными рамками ШОС, они ими не ограничиваются. Страны чутко реагируют

на региональные кризисы, которые могут усугубить ситуацию в сфере борьбы с терроризмом и предлагают дополнительные форматы для активизации двустороннего и многостороннего сотрудничества со всеми заинтересованными игроками.

Основными нормативно-правовыми актами, запрещающими деятельность террористических и экстремистских группировок в Республике Таджикистан являются Закон Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом» от 16 ноября 1999 г. [2] и Закон Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом» от 8 декабря 2003 г. [3].

Одним из союзников Таджикистана в борьбе против терроризма и экстремизма является Индия. Когда в Таджикистане вспыхнула Гражданская война, Индия была одной из стран которая отправляла своих военных миротворцев для урегулирования межтаджикского конфликта. Индия и Таджикистан в 2021 году активизировали антитеррористическое, оборонное сотрудничество. Это связано с тем, что власть в Афганистане перешла в руки террористической группировки Талибан, которая активно контактирует с Пакистаном. Также стороны подписали меморандум о сотрудничестве в области разведанными финансово характера, связанными с отмыванием денег и финансированием терроризма [10. С. 70].

Говоря о дальнейшем углублении сотрудничества в области безопасности, Премьер-министр Индии сказал, что это будет сделано на нескольких уровнях – путем укрепления общих двусторонних договоренностей в области безопасности, путем расширения подготовки кадров, наращивания потенциала реагирования и обмена информацией, а также путем активной координации в региональном и многостороннем контекстах.

Вооруженные силы Таджикистана сегодня представляют собой небольшой форпост российской армии. Они полностью оснащены российским вооружением и даже имеют ту же организационную структуру. В 2017 году Таджикистан получил российскую технику на сумму 122 миллиона долларов, а в 2019 году Москва обязалась инвестировать еще 200 миллионов долларов в модернизацию таджикской армии до 2025 года. На территории Таджикистана продолжает функционировать российская военная база, а также ряд объектов военной инфраструктуры [20. Р. 25]. Проводится ряд совместных мероприятий именно в сфере борьбы с терроризмом, при этом Россия является ключевым союзником Таджикистана в этой сфере. Так, например, именно российский контингент размещен в Таджикистане, хотя в период 2001-2002 годов в Таджикистане также присутствовал ограниченный контингент французских войск для борьбы с террористической угрозой. Более того, в рамках ОДКБ активное сотрудничество в области противодействия терроризму было развернуто и с другими акторами международных отношений [17. Р. 530].

В рамках ОДКБ также принят ряд мер по противодействию терроризму, в частности, был сформирован единый список террористических организаций. Механизм функционирования данного списка работает следующим образом. Если одно из государств-членов ОДКБ признает ту или иную группировку террористической группой, то остальные государства также признают ее террористической [26. Р. 200]. Это не только унифицирует единый перечень и позволяет более четко определять объект борьбы, но и позитивно влияет на эффективность антитеррористической борьбы, т.к. в таком случае террорист из одной страны не может спокойно переехать в другую страну региона и уйти от ответственности, принадлежность к террористической группировке не будет аннулирована при пересечении границы.

Заключение. Подводя итог, можно сказать, что заинтересованность Индии и Таджикистана в совместном противодействии терроризму как на двусторонней основе, так и в рамках широких региональных структур безопасности зиждется на желании обеспечить как внутреннюю стабильность в своих государственных границах, так и общерегиональную безопасность для развития внешнеэкономической деятельности, поскольку экономическое развитие влияет на социально-экономическое благополучие населения и сдерживает его от вовлечения в экстремистские круги. Таким образом, развитие экономик этих стран является важной основой пресечения распространения терроризма и экстремизма в регионе и, одновременно, само такое развитие (комплекс внутри- и внешнеэкономических мероприятий) нуждается в защите от уже имеющихся проблем экстремистского и террористического характера. Для того, что обеспечить стабильность и безопасность, нужны совместные встречи, переговоры, договоры и соглашения по данной проблеме, создание необходимых механизмов реагирования, синхронизация, насколько это позволяет уровень развития сотрудничества, двух правоохранительных систем и прочее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Булкин В.В., Моисеенко К.С. Терроризм в Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан) // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 6.
2. Закон Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом» // Антитеррористический центр СНГ // <https://www.cisatc.org/1289/135/155/285/7922>.
3. Закон Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом» // Антитеррористический центр СНГ // <https://www.cisatc.org/1289/135/155/285/7923>.

4. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма: офиц. текст. 2009 // <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty/konvenciya-shanhayskoj-organizacii.html>.

5. Махмадиев Н.Д. Основные тенденции развития терроризма и экстремизма в Таджикистане // Вестник Таджикского национального университета. 2018. № 5.

6. Организации, признанные террористическими на территории Республики Таджикистан // Антитеррористический центр СНГ // <https://www.cisatc.org/1289/134/160/1268>.

7. Рахимов К.Х. Международно-правовые основы сотрудничества республики Таджикистан с ШОС в сфере обеспечения безопасности и стабильности в многополярном мире // Постсоветское исследование. 2019. Т. 2. № 7.

8. Сафарзода Х.С. Criminal and legal nature of international terrorism in the antiterrorist legislation of the Republic of Tajikistan // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2019. № 1.

9. Хартия Шанхайской организации сотрудничества 2002 г. // Представительство Российской Федерации в Шанхайской организации сотрудничества. 07.06.2002 // <http://sco-russia.ru/documents/>.

10. Холиков Ф.А. Information Terrorism as a threat to the National Security of The Republic of Tajikistan // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2021. № 2.

11. Хабибов С.А. «Взаимодействие органов внутренних дел Республики Таджикистан и Российской Федерации по борьбе с преступлениями террористического характера» // Академическая мысль. 2019. № 2 (7).

12. Blackburn J., McGarrity N., Roach K. Understanding and responding to right wing terrorism // Journal of policing, intelligence and counter terrorism. 2019. Т. 14. № 3.

13. Chandra V. India's Counter-Terrorism Diplomacy at the United Nations: Progress and Problems // India Quarterly. 2020. № 76 (1).

14. Chutia T. Tajikistan: An Evaluation of Terrorism and Counter-Terrorism Policies Since Independence // Conflict Studies Quarterly. 2022. № 39.

15. Combating Terrorism: Protecting by Righteousness, Eighth Report of the Second Administrative Reforms Commission. New Delhi: Government of India, June 2008 // https://darpg.gov.in/sites/default/files/combating_terrorism8.pdf.

16. Delhi Declaration of the 1st India-Central Asia Summit // Embassy of India. Dushanbe, 27.01.2022 // https://www.eoidushanbe.gov.in/news_letter_detail/?id=145.

17. Esenbekova A.T. Relevant Questions in Counteraction Terrorism and Extremism in Central Asian Countries // Journal of Positive School Psychology. 2022.

18. *Fleming C.M., Manning M., Pham H.-T., & Vorsina M.* Ethnic Economic Inequality and Fatalities From Terrorism // *Journal of Interpersonal Violence*. 2022. № 37 (11-12). NP9089-NP9114.
19. *French R.W.* Constructing Cooperation: A New Approach to Confidence Building between India and Pakistan // *The Round Table*. 2019. Vol. 108. № 2.
20. *Gupta P.K.* Situating Tajikistan in India's Central Asia Policy: A Strategic Dimension // *Electronic Journal of Social and Strategic Studies*. 2021. T. 2.
21. India, Tajikistan to intensify cooperation against terror // *Sunday Chronicle*. 14.07.2015 // <https://www.deccanchronicle.com/150713/nation-current-affairs/article/india-tajikistan-intensify-cooperation-against-terror>.
22. *Joshi N. & Kumari K.* Understanding Central Asia's Security and Economic Interests // *India Quarterly*. 2019. № 75 (1).
23. *Kaura V.* India's Counter-Terrorism Policy against Jihadist Terror: Challenges and Prospects // *Connections QJ*. 2017. Vol. 16. № 4.
24. *Khemnar S.* Causes and effects of terrorism in India: An overview // *International Journal of Applied Information Systems*. 2018. T. 12. № 15.
25. *Lee L. & Gill G.* India, Central Asia and the Eurasian Union: A New Ballgame? // *India Quarterly*. 2015. № 71 (2).
26. *Lemon E., Roberts F.* Tajikistan: from reconciliation to post-reconciliation // *Political Regimes and Neopatrimonialism in Central Asia*. Palgrave Macmillan. Singapore, 2021.
27. *Mahadevan P.* The Politics of Counterterrorism in India: Strategic Intelligence and National Security. New York, 2012.
28. *Mehl D.* Converging factors signal increasing terror threat to Tajikistan // *CTC Sentinel*. 2018. T. 11. № 10.
29. *Patnaik A.* Central Asia: Between Stability and Instability // *International Studies*. 2016. № 53 (3-4).
30. *Rashid MI, Iqbal M, Nawab MW.* Belt and Road projects in Tajikistan: Opportunities to strengthen the ties between Pakistan and Tajikistan // *Asian Journal of Comparative Politics*. December 2021.
31. *Subramanian K.S.* Political Violence and the Police in India. New Delhi, 2007.
32. *Sukhankin S.* The Security Component of the BRI in Central Asia, Part Two: China's (Para) Military Efforts to Promote Security in Tajikistan and Kyrgyzstan // *China Brief*. 2020. T. 20.
33. The Terrorist and Disruptive Activities (Prevention) Act, 1987. *Act No. 28 of 1987*, amended by Act 43 of 1993 // *South Asia Terrorism Portal* // www.satp.org/satporgtp/countries/india/document/actandordinances/tada.htm.
34. *Ullah A. et al.* Terrorism in India as a Determinant of Terrorism in Pakistan // *Asian Journal of Criminology*. 2018. T. 13. № 1.
35. *Watson S.J., Fair C.C.* India's Stalled Internal Security Reforms // *India Review*. 2013. Vol. 12. № 4.

36. *Wilkinson S. Votes and Violence: Electoral Competition and Ethnic Riots in India.* Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

37. *Wolpert S. Shameful Flight: The Last Years of the British Empire in India.* Oxford University Press, 2006.

K.H. RAKHIMOV

*Candidate of Historical Sciences, Assistant
of the Department of Theory and History of International Relations
Peoples' Friendship University of Russia; Doctoral student
of the Institute of Asian and African Countries
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

S.V. FEDINA

*Master's Student of the Department
of Theory and History of International Relations
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

S.H. KHOLOV

*Master's student of the Department
of Theory and History of International Relations
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

A.YA. YAKUBA

*Master's Student of the Department
of Theory and History of International Relations
of the Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

ANTI-TERRORISM FOCUS OF RAPPROACHING INDIA AND TAJIKISTAN

The creation of a stable and safe regional environment is an extremely important element of the socio-economic development of states and the region as a whole. One of the factors destabilizing the regional and domestic situation is the spread of extremism and terrorism. Socio-economic development is, on the one hand, a tool to eliminate the causes of terrorism and extremism, on the other hand, this tool itself needs to be protected from carriers of systemic violence in the face of existing terrorist structures. In this regard, even in the absence of

common initiatives and projects, the states have a common interest - the elimination of the terrorist threat. It is the elimination of such a threat that will allow, regardless of whether the states develop joint projects in the future or not, each state will develop in the way it considers most appropriate. Since terrorism is today a multifaceted and increasingly complex phenomenon in modern international life, states, especially those from the same region with common challenges, should cooperate both at the bilateral level and within broader security structures and organizations in order to develop common mechanisms for responding to terrorist threats, to synchronize law enforcement and law enforcement practices in this area. In this article, we will look at how all of the above affects the rapprochement between Tajikistan and India in the field of security.

Key words: *security, security structures, counter-terrorism, extremism, socio-economic planning, Af-Pak, One Belt One Road, reproduction, economic development, terrorist structures, interest.*